

ЕВГЕНИЯ СИМОНОВА:

КАКОЕ СЧАСТЬЕ, ЧТО Я НЕ СНИМАЮСЬ В КИНО

Она играет спектакли в двух театрах. И не слишком часто балует зрителей своим появлением на экране.

— Евгения Павловна, как получилось, что девочка из семьи переводчицы английского языка и ученого-нейрофизиолога стала актрисой? Говорят, что школьницей, посмотрев фильм “Анна Каренина”, вы написали на обратной стороне билета: “Я буду актрисой”.

— Абсолютно точно. Это был фильм Зархи, где грандиозно играла Татьяна Самойлова, в которого я была влюблена с детства. А балет — это была не моя инициатива. Моя мама была изумительной матерью. И она совершенно справедливо считала, что детей надо учить как можно больше чему. А данных для балета у нас с братом никаких не было. Мы оба — коренастые, крепкие. Но рядом с нами на даче жила семья замечательного танцовщика Сергея Гавриловича Корина, он танцевал в Большом театре. И через него мы с братом пошли к педагогу хореографического училища. Она посмотрела и возмутилась: “Боже! Какие откормленные дети!” Тем не менее около двух лет я занималась с преподавателем хореографического училища Серафимой Сергеевной Хофриной.

— Ваша старшая дочь Зоя учится на третьем курсе РАТИ, младшая Маруся — в ЦМШ по классу фортепиано. Белинский говорил о том, что в детях ищешь продолжение того, о чем думал и мечтал сам. У вас с Белинским полное взаимопонимание?

— Наверное. Но, мне кажется, у детей должна быть свобода выбора. И неправильно насильственно втягивать их в семейную династию. Очень часто талантливые дети идут по стопам родителей, это естественно. Хотя мой муж Андрей Андреевич Эшпай, выросший в семье выдающегося композитора Андрея Яковлевича Эшпая, не стал музыкантом, зато он прекрасный режиссер. Его старший брат — известный специалист по американскому кино.

— В спектакле “Анна Каренина” вы с мужем работали вместе. Все было гладко?

— Было трудно потому, что он ставил передо мной сложные задачи. Но еще сложнее, когда режиссер не знает, чего хочет... С Андреем мы практически никогда не расходимся в оценках, не бывает, чтобы спектакль или фильм мне понравился, а ему нет. Мы родственные души. И потому, мой любимый западный режиссер Ингмар Бергман вообще всегда снимал своих жен. У него было много жен и большой выбор. И он считал, что только тогда, когда ты знаешь человека очень близко, знаешь все его слабые и сильные стороны, — только тогда может быть результат максимальный.

— О своей жизни вы когда-то сказали так: “Меня учили все: и люди, и обстоятельства”.

— Несколько человек сильно на меня повлияли. В Гнесинской школе — Тамара Ефимовна Фрейнкина. Какие-то ее общие формулы мне очень помогли потом, в моей профессии. Я помню, как перед концертами она мне говорила: “Сейчас все забыть. Видеть, слышать и играть с удовольствием!” А что такое спектакль? Это когда надо освободиться от всего, раскрыть только уши, глаза и сразу получить максимальное удовольствие от процесса. И еще она говорила: “Почему ты волнуешься? Волноваться можно только в двух случаях: или если ты не уверен (не доучил или не сделал), или если у тебя задача — не выразить свои мысли, чувства, а всем понравиться. А если ты сосредоточился на своих задачах, волнение пройдет”.

Другой мой изумительный учитель, в Шкукинском училище, — Юрий Васильевич Катин-Ярцев. Меня бы выгнали с любого курса, если бы не он. Потому что я не могла сделать практически ни одного этюда. Он терпел меня. Я не знаю почему, но он терпеливо ждал... И он, конечно, очень сильно нас любил, очень о нас беспокоился. Никогда не забуду, как ходил с нами по всем театрам, по всем показам. Обычно ведь как? Как на конвейере: вырастили, выбросили. И все. Он же, используя все свои связи, сидел на телефонах, обзванивал все театры, просил, унижался, убеждал, умолял. И из 26 человек с курса у нас 22 остались в Москве. Причем в лучших театрах в Ленком, на Таганке, в Вахтанговском, на Малой Бронной, в Сатире, в театре Маяковского, Станиславского.

— У каждого человека есть любимый цветок, любимая мелодия, любимая чашка — то, что не имеет цены и дорого именно для него. А у вас?

— Что касается цветов, есть такие разноцветные ромашки — герберы. Это был любимый цветок моей мамы и мой тоже. К предметам я отношусь спокойно. Если моя чашка разобьется, я не расстроюсь.

— Вы сами гримируетесь?

— Не умею совершенно. Я и краситься не умею и не люблю. У нас в училище был предмет: грим. А я двух линий не могла провести. Я губы-то когда подвожу, и то криво. И я не могла сделать ни одного зачета по гриму. У меня был друг Игорь Андреев, он меня гримировал. На зачете я получила бумажку, а на ней было написано: грим старого толстого лица или молодого и худого. Чего-то там надо было высветлять, затемнять... Игорь мне быстро делал грим старого худого. И толь-

ко таким образом я получала зачет. Я не люблю свое лицо. Но когда оно как-то видоизменяется, возникает с ним примирение, появляется интерес, в зеркало помотришь — другой человек...

— В 1976 году вы пришли в Театр имени Маяковского к Андрею Александровичу Гончарову. Что предопределило ваш выбор?

— Я очень хотела туда попасть. Костюмовского я знала по кино. Гундарева уже сыграла своего звездного “Банкрота”. И Фатюшин начинал играть и в театре, и в кино. Шендрикова и Печерникова были просто уже очень известными актрисами. И я получила фантастическое приглашение в этот театр! Говорят, Гончаров видел меня в фильме “Афоня”. Но все осложнялось тем, что я была в положении. И помню, в наш первый разговор с Гончаровым я думала: сказать ему сейчас или, когда уже зачистят, поставить перед фактом? Собрав все свое мужество, я во всем созналась. И его не испугало, что я не могла сразу приступить к работе.

— Вы очень разноплановая актриса. Вам по плечу и милая Яблонька в “Шутке менената” Аверченко, и серьезная Маша в “Поэзе эмигранта” в Театре Антона Чехова, и драматическая роль Юлии Тугиной в “Жертве века”. Мне кажется, наряду с Анной Карениной самой сложной для вас в последнее время была работа над ролью Лотты Шен в “Любовном напитке”.

— Я с удовольствием бросаюсь в крайности. Я считаю, если ты по существу занят поиском, даже неудача — это все равно удача. За спектакль “Любовный напиток” меня очень многие ругали, мои же коллеги: “Ты с ума сошла, куда ты полезла? Это полная потеря органики, обаяния...” Одна моя подруга вообще назвала меня чревовещателем. Но мне интересен процесс. Конечно, существует это клеймо — ампула. Но совершать попытки из него вырваться надо! И чем они отчаянней, тем лучше.

— Ровно 20 лет назад вы снимались в телефильме “Обыкновенное чудо” — с Андреем Мироновым и Евгением Леоновым. С какими еще неординарными личностями столкнула вас актерская судьба?

— “Обыкновенное чудо” — это был подарок судьбы. Но со мной всегда играли великолепные партнеры — и в театре, и в кино. Один из самых сильных впечатлений в моей жизни — встреча с Олегом Борисовым, с которым мы познакомились на “Рафферти”, а потом работали на картине “Двадцать шесть дней из жизни Достоевского”. Это был суперактер, причем абсолютно лишенный внешних актерских признаков. Он был очень строгий и

замкнутый человек, я всегда чувствовала какую-то дистанцию. Невозможно было выйти с ним на более дружеские отношения. У меня были очень дружеские отношения с Анатолием Соловьевым. Он был всемирно известный актер. Его картины видел весь мир, а сам он ни разу не был за границей. У него не было ничего. Он жил в коммунальной квартире в Люберцах у родителей своей жены. И при этом был великий артист. Изумительной, добрейшей, нежнейшей души человек. Он очень страшно умирал. Никто из близких не подозревал, что он знает, что обречен. Он скрывал, чтобы им было не так больно. Еще Лариса Малеванная. С ней мы снимались в телевизионном спектакле “Лица” (там была песня “Дерева вы мои, деревья” Бачурина, она была в то время хитом). Играла я и с Татьяной Васильевой Дорониной. Ярчайшая актриса, мощнейшая... И я еще подумала тогда: если я удержусь на сцене рядом с Дорониной, меня не сдует и не унесет ветром, значит, я выживу!

Я получаю огромное наслаждение от общения с Игорем Леонидовичем Охлупиным, с которым мы играем в “Жертве века”. Я считаю, что это грандиозный русский артист с широчайшим диапазоном, с изумительным юмором, абсолютно ни на кого не похожий.

— Каким было ваше впечатление от самой себя — уже актрисы?

— Чудовищное! Когда я посмотрела фильм “Афоня”, я рыдала в коридоре. Я увидела на экране какую-то толстую мерзкую физиономию, ничего не выражающую. И в “Обыкновенном чуде” долгое время не могла на себя смотреть. Когда мы дома смотрели фильм по телевизору, я вставала и загораживала экран. И только потом, с течением времени, я стала думать, что не такой уж я и урод. Чего я так сильно переживала? Но я всегда завидовала артистам семнадцатого века, а лучше еще древним грекам, которые никогда не видели себя со стороны и действительно считали, что они гениальны. Я давно уже в кино не снимаюсь. И, с одной стороны, я скусаю без этого, а с другой — думаю: “Какое счастье! А то опять будут сплошные разочарования”.

— В “Обыкновенном чуде” вы фехтовали. В последнем спектакле “Анна Каренина” вас раскручивали в центрифуге для тренировки космонавтов. Приходилось ли вам когда-нибудь прибегать к помощи дублера?

— Редко. В юности у меня была страсть — я занималась конным спортом. И мне это пригодились: в фильмах “Пропавшая экспедиция” и “Золотая речка” я довольно много скакала верхом.

Но, например, прыгать с лошади я так и не научилась. Поэтому кое-что там делала дублерша.

— А фехтовать долго пришлось учиться?

— Полтора часа. Если разобраться, там все элементарно: четыре позиции, которым учат во всех театральных училищах.

— Удастся ли вам посмотреть спектакли в других театрах?

— К сожалению, не так часто, как хотелось бы. Самое сильное впечатление за последнее время — спектакль Мирзоева “Хлестаков”. У меня был шок от того, как совершенно революционно играет Суханов. Потому что возвращение к реалистическому театру (сели-посидели, встали-поговорили, опять сели-пересели и — ничего за этим) ужасно. И вообще мне очень нравится, что делает Мирзоев. Мечтаю посмотреть его “Амфитрион” и “Две женщины”. И еще Някрошюс, конечно, который привез “Гамлета”. Перед этим я видела его “Три сестры”, которые меня просто потрясли.

— Вы очень редко даете интервью. Почему?

— Потому, что меня больше интересуют биографии других людей, а не своя собственная. И мне интересней чужие мысли, чем свои собственные. Свои мысли я уже знаю.

— Ваша коллега по театральным подмосткам Наталья Гундарева не любит, когда по дороге на сцену ей встречается женщина с пустым ведром или коробкой. Ей кажется, что спектакль пройдет пусто, даже если в зале будет много зрителей. Есть ли у вас какие-то профессиональные приметы?

— Я тоже не люблю пустые ведра. Не люблю возвращаться. Но чтоб у меня был какой-то определенный ритуал — нет. У меня есть в театре очень любимый человек. Это помощник режиссера Валентина Вильдан. И, к счастью, она ведет многие мои спектакли. Перед каждым я люблю подойти к ней, чтобы она подержала меня за руку. В ней есть настоящая любовь, нежность. Когда я волнуюсь, я просто испытываю потребность в этом рукопожатии.

— Вы очень рано получили массу наград и званий. Премия Ленинского комсомола, Государственная премия, заслуженная артистка, теперь народная... Какая награда для вас самая высокая?

— Это оценка моих коллег. На “Анну” пришли мои друзья-актеры. Нет ничего выше и радостнее того, что они говорили. Все остальное может быть, может не быть в жизни. Но мы, актеры, живем все-таки в основном в театре. Все-таки, как гениально сказал Фоменко: “Огромная страна Россия, а жить в ней можно только на сцене”.

Алена МОРОЗОВА.